

Хантер С. Томпсон

Дерби в Кентукки упадочно и порочно

Перевод: К. Поздняков

Я слез с самолета где-то в полночь и в тишине прошел по темной взлетно-посадочной полосе к терминалу. Воздух был густым и горячим, как в бане. Внутри люди обнимались и пожимали друг другу руки... широкие ухмылки и возгласы там и тут: «Боже! Старый ты хрен! Рад видеть тебя, парень! Очень рад... серьезно!»

В кондиционируемом зале ожидания я встретил человека из Хьюстона, который сказал, что его зовут так-то так-то – «но ты можешь звать меня Джимбо» – он приехал сюда для того, чтобы тусовать. «Я готов ко всему, клянусь Богом! Абсолютно ко всему. Да, а что ты пьешь?» Я заказал Маргариту со льдом, но он и слышать о ней не хотел: «Не, не... разве это выпивка для Дерби в Кентукки? Ты че, парень?» Он оскалился и подмигнул бармену: «Елы-палы, придется обучать паренька. Налейка ему хорошего виски...»

Я пожал плечами. «ОК, двойной Олд Фитц со льдом.» Джимбо кивнул в знак одобрения.

«Слушай». Он сжал мне руку, чтобы убедиться, что я слушаю. «Я знаю эту компашку, что зависает на Дерби, я бываю здесь каждый год, и вот что я усвоил – в этом городе лучше не производить на людей впечатление, что ты лох или типа того. Не на публике, по крайней мере. Бля, да они обдерут тебя в минуту, шарахнут по голове и заберут на хер все до цента».

Я поблагодарил его и вставил Мальборо в свой мундштук. «Скажи-ка, – начал он, – ты похож на человека, имеющего интересы в конном бизнесе... я прав?»

«Нет», – сказал я. «Я фотограф».

«Да ну?» Он с интересом посмотрел на мою поношенную кожаную сумку. «Так у тебя там фотоаппараты? На кого работаешь?»

«На Плэйбой», – сказал я.

Он засмеялся. «Что ж, черт возьми! Что ты собрался снимать – мелькающих коней? Ха! Уверен, тебе придется потрудиться, когда они выпустят Кентукки Оакс. Эти скачки только для молодняка». Он дико заржал. «Да, блин! И все эти кобылки будут только мелькать перед тобой!»

Я кивнул и промолчал, быстро взглянув на него, пытаюсь выглядеть зловеще. «Здесь должны начаться беспорядки», – сказал я. «Моя задача – сделать снимки бунта».

«Какого бунта?»

Я помедлил, мешая лед у себя в стакане. «На трэке. В день Дерби. Черные Пантеры». Я снова вперился в него взглядом. «Ты не читал газет?»

Ухмылка на его лице погасла. «Что за фигню ты несешь?»

«Ну... наверное мне не надо было говорить тебе...» Я пожал плечами. «Но блин, об этом вроде бы все знают. Копы и Национальная Гвардия в готовности уже шесть недель. У них 20,000 человек в Форт Ноксе, готовых подняться по тревоге. Они предупредили нас – прессу и фотографов – носить шлемы и специальные куртки вроде бронежилетов. Нам сказали быть готовыми к стрельбе...»

«Ничего себе!» – воскликнул он; его руки взметнулись в воздух и на мгновение зависли между нами, как будто защищая его от услышанного. Затем он треснул кулаком по барной стойке. «Вот сукины дети! Боже Всемогущий! Дерби в Кентукки!» Он замотал головой. «Нет! Господи! Ужасно, не могу в это поверить!» Казалось, что он перевалится через стул, и когда он поднял глаза, они были мутными. «Почему? Почему здесь? Они что, не уважают ничего?»

Я снова пожал плечами. «Дело не только в Пантерах. ФБР говорит, что целые автобусы белых психов едут сюда со всех концов страны – чтобы смешаться с толпой и атаковать одновременно, со всех направлений. Они будут одеты так же, как обычные люди. Сам знаешь – пиджаки, галстуки и все такое. Но когда начнутся беспорядки... сразу поймешь, почему копы так волнуются».

Он сел на мгновение, заметны были его душевные страдания и смущение и то, что он не совсем в состоянии переварить эти ужасающие новости. Затем он воскликнул: «Ох... Господи! Матерь Божья, что такое происходит с этой страной? Есть ли где-нибудь от всего этого спасение?»

«Только не здесь», – сказал я, поднимая свою сумку. «Спасибо за выпивку... и удачи».

Он схватил меня за руку, настаивая, чтобы я выпил еще, но я сказал, что опаздываю в Пресс Клуб, и соскочил, торопясь принять участие в этом мерзком спектакле. В киоске в аэропорту я купил Courier-Journal и просмотрел заголовки: «Никсон отправляет войска в Камбоджу бить красных»... «Благодаря атаке B-52 20,000 солдат продвинулись на 20 миль»... «4,000 американских солдат в полной боевой готовности стоят у Йеля, напряжение, вызванное протестом Пантер, растет». Внизу страницы была фотография Дианы Крамп, которая скоро должна была стать первой женщиной-жокеем, выступающей на Кентуккийском Дерби. Фотограф снял ее «стоящей у конюшни и глядящей своего коня, Фатома». Остальная часть газеты была завалена мерзкими военными новостями и историями о «студенческих беспорядках». Не было никаких упоминаний о волнениях, назревающих в огайском университете под названием Кент Стэйт.

Я пошел к стойке фирмы «Hertz» забрать свою машину, но молодой круглолицый хипарь на кассе сказал, что у них ничего нет. «Не так то просто сейчас взять машину напрокат», – заверил он меня. «На время скачек все было забронировано еще шесть недель назад». Я объяснил, что мой агент получил подтверждение на заявку о белом Крайслере с откидным верхом сегодня в полдень, но парень замолчал головой. «Может быть, кто-нибудь отменит заказ. Где вы остановились?»

Я пожал плечами. «Где остановилась тусовка из Техаса? Я хочу быть со своими.»

Он вздохнул. «Мой друг, да у вас проблемы. Этот город забит под завязку. Так всегда во время Дерби».

Я наклонился к нему и сказал полушепотом: «Слушай, я из Плэйбоя. Не желаешь поработать?»

Он быстро отпрянул. «Что? Да ладно? Что за работа?»

«Не важно», ответил я. «Ты только что упустил ее».

Я схватил сумку с прилавка и пошел искать такси. Эта сумка была просто незаменима в моей работе; на ней было много багажных наклеек – Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Лима, Рим, Бангкок и так далее – и самой заметной наклейкой из всех была очень презентабельная, пластиковая штука, которая гласила «Фотогр. Журн. Плэйбой». Я купил ее у одного сутенера в Вэйле, Колорадо, и он рассказал мне, как ей пользоваться. «Никогда не упоминай о Плэйбое, пока не убедишься, что люди уже увидели наклейку», – сказал он. «А потом, когда увидишь, что это их впечатлило, придет время действовать. Люди притухают моментально. Это волшебная штука. Реально волшебная».

Что ж... может и так. Я проверил этот прикол на бедном придурке в баре, а теперь мчал в город на такси. Мне было немного стыдно за то, что я взорвал несчастному пидору мозг своей зловещей телегой. Но какого хрена? Любой, кто болтается по миру, постоянно повторяя «Епты, я из Техаса», заслуживает того, что с ним может случиться. И он, ко всему прочему, в который раз приволок свою дореволюционную жопу в самый центр этого пресыщенного, атавистического балагана, оправдывая приезд только какими-то продажными «традициями». Ранее, в нашем разговоре, Джимбо сказал мне, что не пропускал Дерби с 1954 года. «Моя маленькая леди больше сюда не приезжает», – сказал он. «Она точит об меня зубы, а это заставляет меня отрываться здесь на полную катушку. А когда я говорю „отрываться“, я имею в виду отрываться! Я швыряюсь десятидолларовыми бумажками так, как будто они вышли из моды! Лошади, виски, женщины... бля, да женщины в этом городе сделают все ради денег».

А почему бы нет? Деньги хорошая вещь в наше запутанное время. Даже Ричард Никсон охоч до них. Всего лишь за несколько дней до Дерби он сказал: «Если бы у меня были хоть какие-то деньги, я вложил бы их в фондовый рынок». А рынок, тем временем, продолжает свое неумолимое движение.

* * *

Следующий день был тяжелым. Оставалось каких-то тридцать часов до сдачи статьи в печать, а у меня еще не было пресс-карты, и – по словам спортивного редактора Луисвилльского Courier-Journal – никакой надежды на ее получение. Хуже того, мне нужны были две пресс-карты: одна для себя и другая для Ральфа Стэдмана, английского иллюстратора, прилетевшего из Лондона сделать несколько зарисовок скачек. Все, что я о нем знал, было то, что это был его первый визит в Соединенные Штаты. И чем больше я размышлял об этом, тем больше это меня пугало. Как перенесет он гнусный культурный шок, улетев из Лондона и приземлившись прямоком в толпу пьяного быдла на Дерби в Кентукки? Оставалось только догадываться. Я надеялся, что он прилетит, по крайней мере, за

день до скачек, или около того и у него будет время акклиматизироваться. Может несколько часов спокойного осмотра достопримечательностей в деревне Блюграсс рядом с Лексингтоном? В моих планах было приехать за ним в аэропорт на большом Понтиак Боллбастер, который я взял напрокат у торговца подержанными машинами по имени Полковник Квик, а потом умчаться парня в какое-нибудь мирное местечко, которое может напомнить ему Англию.

Полковник Квик решил проблему с машиной, а деньги (в четыре раза больше нормальной цены) помогли заполучить два номера в клоповнике на окраине города. Еще одной загвоздкой была задача убедить толстосумов из Черчилль Доунс в том, что Scanlan's был настолько престижным спортивным журналом, что здравый смысл вынудит их выдать нам две самые лучшие пресс-карты. Это было не так то просто. Мой первый звонок в офис по связям с прессой обернулся полным поражением. Пресс-агент был просто шокирован мыслью о том, что кто-то может быть настолько тупым, чтобы требовать удостоверения прессы за два дня до скачек. «Черт, вы это серьезно?» – сказал он. «Предельный срок истек два месяца назад. Мест для прессы не осталось, все номера в гостиницах заняты... и что это за Scanlan's Monthly вообще такой?»

Я издал болезненный стон. «Неужели вам не звонили из лондонского офиса? Они прислали сюда художника рисовать картины. Стэдмана. Он ирландец. Мне кажется. Очень знаменит на родине. Да. Я только что прибыл с побережья. В офисе в Сан-Франциско мне сказали, что мы вписаны».

Казалось, клерк заинтересовался, и даже проникся симпатией, но он все равно ничего не мог сделать. Я навешал ему на уши еще какой-то бурды и, наконец, он предложил компромисс: он дает нам два пропуска в клубхаус, но о том, чтобы реально разместить нас в нем, а особенно на местах для прессы, и речи быть не могло.

«Звучит немного странно», – заявил я. «Это неприемлемо. У нас должен быть доступ ко всему. Ко всему. К представлению, к людям, к церемонии открытия и особенно к скачкам. Вы ведь не думаете, что мы проделали такой путь для того, чтобы смотреть эту хрень по телевизору, а? Так или иначе, мы попадем внутрь. Даже если нам придется подкупить охрану – или применить к кому-нибудь Мэйс». (Я прикупил баллончик Мэйса в аптеке в центре города за \$5.98, и вдруг, прямо посреди этого разговора, до меня дошли скрытые возможности применения его на скачках. Обрызгать газом швейцаров, стоящих на узком входе в святая святых клуба, быстро проскользнуть внутрь, распылить большой заряд Мэйса в губернаторской ложе, как раз когда начнутся скачки. Или напшикать на беспомощную пьянь в туалете клубхауса, для их же блага...)

К полудню пятницы я был до сих пор без пресс-карт и до сих пор не мог разыскать Стэдмана. Я надеялся на то, что он передумал и вернулся назад в Лондон. Наконец, когда я забил на Стэдмана и безуспешные попытки договориться с кем-нибудь в пресс-офисе, я решил, что единственная для меня надежда получить удостоверение – пойти на ипподром и вломиться в пресс-офис без предупреждения – требуя только один пропуск, вместо двух, говорить очень быстро, со странными интонациями в голосе, как человек, с трудом пытающийся контролировать внутреннее бешенство. Выходя, я остановился у гостиничной стойки обналичить чек. Потом, без всякой надежды, я спросил, есть ли какой-нибудь дикий шанс, что мистер Стэдман заехал.

Даме за стойкой было около пятидесяти лет, и выглядела она весьма необычно; когда я упомянул имя Стэдмана, она кивнула, не отрывая взгляда от записей, которые делала, и сказала низким голосом: «Не переживайте, заехал». Затем она одарила меня широкой улыбкой. «Да, кстати. Мистер Стэдман только что уехал на ипподром. Он ваш друг?»

Я покачал головой. «Мы должны вместе работать, но я даже не знаю, как он выглядит. А теперь, блин, мне придется искать его в толпе на трэке».

Она хихикнула. «Вы без труда его отыщете. Этот человек найдется в любой толпе».

«Почему?» – спросил я. «Что с ним не так? Как он выглядит?»

«Ну... – сказала она, все еще ухмыляясь, – такого забавного типа я давно не встречала. У него эта... а... растительность по всему лицу. А если честно, она у него по всей голове». Она кивнула. «Вы узнаете его, когда увидите, не беспокойтесь».

Господи Иисусе, подумал я. Это испоганит получение пресс-карт. Мне представлялся какой-то нервно мельтешащий чудила, весь заросший спутанными волосами, противно требующий в офисе пресс-пакета для Scanlan's. А вообще... какого черта? Мы всегда можем закинуться кислотой и провести весь день, шарясь вокруг ипподрома, истерически смеясь над местными и лакая мятный джулеп, чтобы копы не подумали, что с нами что-то ненормально. Можно даже заработать денег; поста-

вить мольберт с большой надписью: «Иностраннный художник нарисует ваш портрет за \$10. Здесь и СЕЙЧАС!»

Я выбрал самый короткий путь до ипподрома и погнал очень быстро, ведя монструозную машину по переулкам, держа в одной руке банку пива, а в голове у меня была такая путаница, что я чуть не врезался в Фольксваген, полный монашек, поклявшись себе вписаться в правый ряд. Был еще крошечный шанс, думал я, перехватить уродливого британца, пока он не зарегистрировался.

Но Стэдмен был уже в пресс-ложе, когда я туда добрался, бородатый молодой англичанин в твидовом костюме и авиационных солнцезащитных очках. Ничего такого странного в нем не было. Ни вен на лице, ни зарослей жестких клочковатых волос. Я рассказал ему, как описала его женщина в мотеле, что его несколько озадачило. «Пусть это тебя не беспокоит», – сказал я. «Просто помни следующие несколько дней о том, что мы в Луисвилле, Кентукки. А не в Лондоне. И даже не в Нью-Йорке. Это странное место. Тебе повезло, что та умственно отсталая в мотеле не выхватила ствол из-под стойки и не проделала в тебе большую дырку». Я засмеялся, но он казался, забеспокоился.

«Просто представь себе, что ты попал на большую чокнутую барахолку под открытым небом», – сказал я. «Если ее обитатели выйдут из-под контроля, мы насквозь вымочим их в Мэйсе». Я показал ему баллончик «Химиката Билли», поборов в себе позыв разбрызгать его через все помещение на мужичка с крысиной рожей, прилежно печатающего что-то в секции Associated Press. Мы стояли у бара, потягивая скотч и поздравляя друг друга с внезапной, незапланированной удачей в получении двух пресс-удостоверений. Леди за стойкой была очень дружелюбна к нему, сказал Стэдман. «Я сказал ей свое имя и она выдала мне все, что было надо».

К обеду мы держали все под контролем. У нас были места, выходящие на финишную прямую, цветное ТВ и бесплатный бар в комнате для прессы, а также подборка пропусков, с которыми мы могли попасть куда угодно, хоть на крышу клубхауса, хоть в жокейскую. Единственное, чего нам не хватало, был неограниченный доступ в святая святых клуба, секции «F&G»... и я чувствовал, что он нам нужен, чтобы посмотреть на нализовавшихся виски губернаторских халдеев в действии. Губернатор, свинорылая нео-нацистская шлюха по имени Луис Нанн, должен был сидеть в «G», вместе с Барри Голдуотером и полковником Сандерсом. Я был уверен, что нам удастся попасть в «G», где мы сможем расслабиться, потягивая джулеп, и впитать в себя часть атмосферы и особых вибраций скачек.

Все бары и закусовые также располагались в секции «F&G», а клубные бары в день Дерби – это особое зрелище. Наряду с политиками, светскими львицами и местными олигархами, каждый полубезумный дурень, у которого есть хоть какие-то мазы в пределах пятисот миль от Луисвилля, наверняка упьется в муку и сольет здесь кучу баксов и, в особенности, покажет, кто он есть на самом деле. Бар Пэддок, возможно, лучшее место на ипподроме для того, чтобы посидеть и понаблюдать за лицами. Никому и в голову не придет, что на него пялятся, потому что все здесь и находятся. Большинство людей проводит большую часть своего времени в Пэддоке; они могут посидеть за одним из деревянных столиков, откинуться в удобном кресле и понаблюдать за постоянно меняющимися ставками на большом табло за окном. Черные официанты в белых форменных пиджаках ходят туда-сюда с подносами с выпивкой, пока эксперты обдумывают свои шансы и размышляют над счастливыми номерами, или просматривают списки участников в поисках благозвучных имен. К кассам тотализатора и от касс постоянно движутся толпы людей. Затем, когда все ставки уже сделаны, поток людей уменьшается и все идет на свои места.

Ясное дело, мы должны были отыскать способ подольше задержаться завтра в клубхаусе. Но «бродячие» пресс-карты были рассчитаны только на получасовое пребывание в секции F&G, и предположительно, с ними журналисты могли опубликовать лишь немного торопливо сделанных фотографий и интервью, но карты не давали возможность проходимцам вроде меня и Стэдмана весь день находиться в клубхаусе, напрягать местную элиту и свистнуть лишнюю сумочку или две, болтаясь по трибуне. Или опрыскать Мэйсом губернатора. Ограничение во времени не было проблемой в пятницу, но в день скачек «бродячие» пропуска будут жестко контролировать. И если дорога от мест для прессы в Пэддок займет десять минут, и еще десять минут займет возвращение, то для серьезного наблюдения за публикой почти не останется времени. А в отличие от большинства присутствующих журналистов, нам было абсолютно по барабану то, что происходит на трэке. Мы прибыли сюда посмотреть на настоящий бал монстров.

Поздним пятничным вечером мы со Стэдманом вышли на балкон пресс-комнаты и я попытался описать различие между тем, что мы видели сегодня и тем, что будет происходить завтра. Я был на Дерби впервые за десять лет, но до этого, когда я жил в Луисвилле, я вынужден был ходить сюда каждый год. Теперь, стоя на балконе, я указал на большой луг, окружавший ипподром. «Все это, – сказал я, – будет запружено людьми; около пятидесяти тысяч, и большинство будут в щепки пьяны. Это фантастическое зрелище – тысячи людей будут падать в обморок, кричать, долбиться, топтать друг друга и драться разбитыми бутылками из-под виски. Нам придется провести снаружи немного времени, но там сложно передвигаться, слишком много тел».

«А снаружи безопасно? Мы вообще вернемся?»

«Конечно», – сказал я. «Только нам придется быть начеку, чтобы не наступить на чей-нибудь живот и не влезть в драку». Я пожал плечами. «Черт, да в клубхаусе прямо под нами будет почти также скверно, как на поле снаружи. Тысячи буйных, спотыкающихся пьяных, тем больше свирепеющих, чем больше они проигрывают денег. К полудню они будут жрать мятные джулепы, держа их в обеих руках и плевать друг на друга между заездами. Все здесь будет завалено телами, плечо к плечу. Будет тяжело передвигаться. Проходы между рядами будут скользкими от блевотины, люди начнут валиться на пол и хватать тебя за ноги, чтобы не быть растоптанными. Синяки будут ссать в штаны перед кассами. Ронять горстки монет и драться за то, чтобы нагнуться и подобрать их».

Он так напугано выглядел, что я засмеялся. «Да шучу я», – сказал я. «Не волнуйся. При первых признаках опасности я начну распылять „Химикат Билли“ в толпу».

Он сделал несколько хороших набросков, но мы так и не встретили тот особый тип лица, который, как я чувствовал, нужен нам для действительно отменных рисунков. Это было лицо, которое я встречал тысячи раз на каждом Дерби, на котором присутствовал. Я представлял его в уме, как маску нализовавшейся виски местной элиты – вычурная смесь из бухла, несбывшихся надежд и кризиса деградации личности; неизбежный результат слишком долгого кровосмешения в узком и невежественном обществе. Одно из ключевых генетических правил в разведении собак, лошадей или других породистых животных состоит в том, что кровосмешение ведет к усилению слабых сторон в родословной так же, как и сильных. В разведении лошадей, например, большим риском будет скрещивать двух быстрых лошадей, если обе с небольшим норовом. Потомство также будет очень быстрым и очень норовистым. Так что весь фокус в разведении породистых животных в том, чтобы сохранять хорошие черты и отфильтровывать плохие. Но выращивание людей не так мудро контролируется, особенно в тесном южном обществе, где наиболее распространенный тип межродственного скрещивания не столь изящный и приемлимый, сколь намного более удобный – для родителей – предоставить их отпрыскам свободу в выборе друзей, по своим соображениям и своими способами. («Черт подери, слышал о дочери Смитти? У нее крыша поехала на прошлой неделе в Бостоне и она выскочила за ниггера!»)

Так что лицо, которое я пытался найти в Черчилль Доунс в эти выходные было символом, по моим представлениям, всей обреченной атавистической культуры, которая делает Дерби в Кентукки тем, что оно есть.

На обратной дороге в мотель после пятничных скачек я предупредил Стэдмана о еще кое-каких проблемах, которые нам придется улаживать. Никто из нас не привез никаких странных нелегальных веществ, так что нам придется держаться на синьке. «Ты должен помнить, – сказал я, – что почти каждый, с кем ты заговоришь там, будет пьяным. Люди, приятные на первый взгляд, могут ни с того ни с сего броситься на тебя без всяких причин». Он кивнул, смотря прямо перед собой. Он выглядел весьма ошеломленно, и я попытался поднять ему настроение, пригласив вечером на ужин, к моему брату.

Вернувшись в мотель, мы немного поговорили об Америке, Юге, Англии – просто чтобы слегка расслабиться перед ужином. В то же время никто из нас не был уверен, что это не будет последней нормальной беседой между нами. Начиная с того момента, уикэнд превратился в порочный, пьяный кошмар. Мы оба просто выхватили. Главной проблемой было мое бывшее родство с Луисвиллем, которое реально накладывало на меня обязанность встретиться со старыми друзьями, родственниками и т. д., многие из которых потихоньку опускались, сходили с ума, собирались разводиться, прогибались под тяжестью ужасных долгов или оправлялись от тяжелых несчастий. Прямо посреди всего этого бешеного Дерби-действия, члена моей собственной семьи должны были положить в больницу. Это накладывало некоторую тяжесть на и так не здоровую ситуацию, так что бедному Стэдману ничего не

оставалось, кроме как принимать все как есть, он испытывал один шок за другим.

Другой проблемой была его привычка рисовать скетчи на людей, попадавших ему в различных ситуациях – а потом показывать им рисунки. Результат всегда был плачевным. Я предупреждал его несколько раз, чтобы он не давал никому смотреть на его непотребные художества, но по какой-то извращенной причине он продолжал делать это. Получалось, что почти каждый, кто видел или хотя бы слышал о его работах, исполнялся страхом и отвращением. Он не мог этого понять. «Это шутка такая», – твердил он. «А что, в Англии это нормально. Люди не воспринимают это, как оскорбление. Они понимают, что я просто изображаю какую-нибудь их частичку».

«На хуй Англию», – сказал я. «Это Центральная Америка. Здешние люди относятся к тому, что ты с ними делаешь, как к зверским, желчным нападкам. Вспомни, что вчера вечером случилось. Я думал, что мой брат тебе голову разбить собирается».

Стэдман с грустью покачал головой. «Но он мне понравился. Он произвел на меня впечатление приятного, открытого человека».

«Слушай, Ральф», – сказал я. – Давай не будем сами себя обманывать. Ты дал ему кошмарный рисунок. На нем было лицо, как у монстра. Это очень плохо отразилось на нервах брата». Я пожал плечами. «Какого дьявола, ты думаешь, мы так быстро ушли из ресторана?»

«Я думал, что это из-за Мэйса», – сказал он.

«Какого Мэйса?»

Он осклабился. «Которым ты брызнул в метрдотеля, не помнишь?»

«Черт возьми, это был пустяк, – сказал я. – Я не попал в него... и мы все равно уходили».

«Но все попало на нас», – сказал он. «Комната вся была в этом чертовом газе. Твой брат чихал, а его жена обливалась слезами. У меня глаза два часа болели. Когда мы вернулись в отель, я из-за этого не мог рисовать».

«Это точно», – сказал я. «Она выстегнула с этой штуки, не правда ли?»

«Она разозлилась», – сказал он.

«Да... ну, ладно. Будем считать, что мы оба тогда лоханулись», – сказал я. «Но с этого момента давай будем поосторожнее, находясь рядом с людьми, которых я знаю. Ты не будешь их рисовать, а я не буду брызгать на них Мэйсом. Просто попробуем расслабиться и выпить».

«Ага, – сказал он. – Превратимся в местных».

Было субботнее утро, день Больших Скачек, и мы завтракали в пластиково-гамбургерном дворце под названием «Рыбно-мясная деревушка». Наши номера были как раз через дорогу, в мотеле Brown Suburban. В мотеле была столовая, но еда была настолько плохой, что мы уже не могли ее переносить. Официантки выглядели так, как будто вывихнули лодыжки и мучались от этого, они двигались очень медленно, стоная и проклиная «черномазых» на кухне.

Стэдману нравилось «Рыбно-мясное» заведение потому что там была рыба и карофель фри. Я предпочитал «Французские тосты» – настоящие блины с густым тестом, которые жарили до надлежащей плотности, а затем подавали с печеньем, нарезанные в форме тостов.

После пьянки и отсутствия сна, нашей единственной настоящей проблемой к тому моменту был вопрос о доступе в клубхаус. Наконец мы решили, что рвануть напролом и украсть два пропуска, если понадобится, будет лучше, чем пропустить часть действия. Это было последним вразумительным решением, которое мы смогли сделать в следующие сорок восемь часов. С того момента – почти что с начала нашего выдвигания к трэку – мы полностью потеряли контроль над событиями и провели весь остаток выходных, барахтаясь в море пьяного кошмара. Мои записи и воспоминания о Дне Дерби кое-где спутаны.

Но сейчас, смотря на большую красную записную книжку, которую я всегда носил с собой, я более или менее понимаю, что произошло. Книжка кое-где повредилась и помялась; некоторые страницы вырваны, другие измяты и испачканы чем-то, что должно было быть виски, но вместе взятые, с единичными вспышками воспоминаний, записи могут поведать нам историю. А именно:

Всю ночь до рассвета дождь. Никакого сна. Господи, начинается, кошмар из грязи и безумия... Но нет. К полудню солнце припекает – идеальный день, даже влаги не осталось.

Стэдман теперь беспокоится о пожаре. Кто-то сказал ему, что клубхаус загорелся пару лет назад. Случится ли это опять? Ужасно. Быть запертым в ловушку в местах для прессы. Холокост. Сто тысяч

людей дерутся, чтобы выбраться. Пьяные кричат в пламени и грязи, дико носятся обезумевшие лошади. В дыму ничего не видно. Трибуны агонизируют в огне, а мы лезем на крышу. Бедный Ральф почти тронулся умом. Жестко бухаем.

Приезжаем на ипподром в такси, чтобы избежать этой ужасной парковки на передних дворах домов, \$25 за место, беззубый старик на улице с большой табличкой «ПАРКОВКА» пропускает машины во двор. «Все нормально, пацан, плевать на тюльпаны». Шухер на его голове, волосы торчат, как лес из тросов.

Тротуары полны людей, все двигаются в одном направлении, в сторону Черчилль Доунс. Дети ходят с прохладительными напитками и попонами, девочки-подростки в узких розовых шортах, много черных... черные парни в белых фетровых шляпах с каймой из леопардовой кожи, копы разгоняют образующиеся пробки.

Сборище заполонило много кварталов у ипподрома, очень медленно движемся в толпе, очень жарко. На пути в лифт, ведущий к местам для прессы, в самом клубхаусе, мы наталкиваемся на шеренгу солдат, все держат длинные белые палки. Около двух взводов, со шлемами. Человек, идущий перед нами, сказал, что они ждут появления губернатора и его тусовки. Стэдман смотрел на них нервозно. «Для чего им эти дубинки?»

«Черные Пантеры», – сказал я. Затем я припомнил старого доброго «Джимбо» из аэропорта и мне стало интересно, о чем сейчас он думает. Наверное, очень нервничает; ипподром был переполнен копами и солдатами. Мы протискивались через толпу, через множество входов, миновали загон, из которого жокеи выводили лошадей и прогуливались рядом перед каждым рейсом, так что игроки могли к ним хорошенько присмотреться. Пять миллионов долларов будут сегодня на кону. Много победителей, еще больше проигравших. Что за хрень. Вход к местам для прессы был застопорен людьми, пытающимися попасть внутрь, кричащими на охранников, размахивающими странными пресскартами: Chicago Sporting Times, Атлетическая Лига Полиции Питтсбурга... их всех поворачивали назад. «Давай, дружок, пропусти действующую прессу». Мы протолкнулись через толпу и попали в лифт, затем быстро вверх, к бесплатному бару. Почему нет? Получи и распишись. Сегодня очень жарко, чувствую себя не очень, наверное из-за этой гнилой атмосферы. Помещения для прессы были прохладными и просторными, много комнат, по которым можно было пройти и места на балконе для просмотра забегов или наблюдения за толпой. Мы получили таблицу с участниками, и вышли наружу.

Пурпурные физиономии с типичной южной одутловатостью, старый Айви стиль, полосатые пиджаки и консервативные воротники на пуговицах. «Цветущее старческое слабоумие» (выражение Стэдмана)... рано угасшие, а может просто еще не перегоревшие. В лицах маловато энергии, маловато любопытства. Мучающиеся в безмолвии, после тридцати им нечем заняться в этой жизни, кроме как тихо существовать и развлекать детишек. Пусть молодые наслаждаются жизнью, пока еще могут. Почему бы нет?

Старуха с косою рано приходит в эту лигу...завывает на лужайке ночью, орет там рядом с этим маленьким закованным в кандалы ниггером в жокейском наряде. Может это он и орет, предвещая смерть. Тяжелые приступы белой горячки и чересчур много брюзжания в бридж-клубе. Обвалы на фондовом рынке. Боже святой, дите разбило новую машину, обвернув ее вокруг каменного столба у подъездной дорожки. У него нога сломана? Глаз косит? Отправь его в Йель, они там что угодно вылечат.

Йель? Видел сегодняшние газеты? Нью-Хэйвен в осаде. Йель кишит Черными Пантерами. Говорю вам, Полковник, мир сошел с ума, с катушек съехал. А они говорят мне об этой гребаной женщине-жокее, которая, может быть, будет участвовать в Дерби.

Я оставил Стэдмана рисовать в баре Пэддок и вышел, чтобы сделать наши ставки на четвертый забег. Когда я вернулся, он внимательно разглядывал группу молодых людей у столика неподалеку. «Господи, ты только посмотри на это порочное лицо!», – зашептал он. «Смотри, сколько безумия, страха, жадности!» Я посмотрел и быстро повернулся спиной к столику, на который он показывал. Лицо, которое он выбрал для зарисовки, было лицом моего старого друга, в старые добрые деньки восходящей школьной футбольной звезды с блестящим красным Шевроле с откидным верхом и очень быстрыми, по слухам, руками, со шелканьем расстегивающими бюстгальтеры. Все звали его «Кэт Мэн».

Но сейчас, дюжину лет спустя, я не узнал бы его нигде, кроме места, где ожидал его увидеть, в баре Пэддок в день скачек... сахарный взгляд и сутенерская улыбочка, синий шелковый костюм и его друзья, похожие на проворовавшихся банковских кассиров под мухой.

Стэдман хотел посмотреть на кентуккийских военных, но не был уверен, как они выглядят. Я посоветовал ему сходить в мужской туалет в клубхаусе и поискать там людей в белых льняных костюмах, блюющих в писсуары. «У них на пиджаках обычно большие коричневые пятна от виски», – сказал я. «Но и на обувь поглядывай, это и есть зацепка. Некоторые из них еще могут не заблевать одежду, но мимо ботинок они никогда не промахиваются».

В ложе, находящейся недалеко от нашей, сидел полковник Анна Фридман Голдман, Председатель и Хранитель Большой Государственной Печати Достопочтенного Общества Офицеров Кентукки. Не все 76 миллионов, или около того, кентуккийских офицеров осилили приехать на Дерби в этом году, но многие хранили веру и за несколько дней до Дерби собирались на ежегодный ужин в отеле «Силбах».

Дерби, решающий забег, был запланирован на послеполуденное время, и пока этот волшебный час не наступил, я внушил Стэдману, что нам надо побыть какое-то время снаружи ипподрома, на поле, этом кипящем море людей, которое от клубхауса отделял трэк. Он, казалось, занервничал, но так как те ужасные вещи, о которых я предупреждал его, до сих пор не произошли – никаких бунтов, пожаров и диких пьяных потасовок – он пожал плечами и сказал: «Ладно, давай сделаем это».

Чтобы попасть туда нам пришлось пройти несколько выходов, каждый – шаг вниз по ступенькам общественного положения, а потом через переход под беговой дорожкой. Выйдя из перехода, мы испытали такой культурный шок, что нам потребовалось время, чтобы прийти в себя. «Боже милостивый», – пробормотал Стэдман. «Это же... Господи!» Он двинулся вперед со своим крошечным фотоаппаратом, переступая через тела, и я за ним, пытаюсь делать записи.

Полный хаос, нельзя увидеть ни забег, ни даже трэк... всем наплевать. Люди стоят в длинных очередях у наружных окошек для ставок, затем встают сзади, чтобы увидеть выигрышные номера на большом табло, словно это гигантское лото.

Старые негры спорят о ставках; «Подожди-ка, я глотну» (покачивая пинтой виски, в руке пригоршня долларовых бумажек); девочка сидит на плечах у парня, на футболке надпись: «Украдено из тюрьмы Форт Ладердэйл». Тысячи тинэйджеров, хором поют «Пусть восходит солнце», десять солдат стоят у американского флага и жирный пьяный мужик в синей футболке (80-й размер) ошивается вокруг с квартой пива в руке.

Бухло здесь не продается, слишком опасно... туалетов тоже нет. Пляжные качки... Вудсток... много мусоров с белыми дубинками, но никаких признаков волнений. Издали, отделенный от нас трэком, клубхаус выглядит как на открытке с Дерби в Кентукки.

Мы вернулись в клубхаус, чтобы посмотреть большой забег. Когда толпа встала, отдавая честь флагу и напевая «Мой старый дом Кентукки», Стэдман развернулся лицом к толпе и стал яростно делать зарисовки. Откуда-то с верхних рядов донесся хриплый голос: «Развернись, волосатый урод!» Сам по себе забег занял две минуты, и даже с наших наблатыканных мест, даже смотря в бинокль с 12-ти кратным увеличением не было никакой возможности увидеть, что действительно происходило с нашими лошадьми. Холи Лэнд, на которую поставил Ральф, споткнулась и сбросила жокея на последнем повороте. Моя лошадка, Сайлент Скрин, шла впереди на финишной прямой, но отстала за пять ярдов до финиша. Победителем со ставками 16:1 стал жеребец по имени Даст Коммандер.

Спустя мгновения после окончания забега толпа дико ломанулась к выходам, штурмуя такси и автобусы. На следующий день Соугет писал о вспышках насилия на парковке; люди дрались и топтали друг друга, карманы были обчищены, дети потеряны, бутылки разбиты. Но мы все это пропустили, удалившись в пресс-боксе немного выпить после забега. К тому времени мы оба почти свихнулись от переизбытка виски, перегрева на солнце, культурного шока, недосыпания и всеобщего морального разложения. Мы околачивались в пресс-боксе до тех пор, пока не показали большое интервью с владельцем победителя, щеголеватым маленьким человечком по имени Леманн, который сказал, что прилетел этим утром в Луисвилль из Непала, где он «прикупил большущего тигра». Спортжурналисты пробормотали свои слова восхищения, и официант наполнил бокал Лемана «Чивас Регалом». Он только что выиграл \$127,000 на лошади, которая обошла ему в \$6,500 два года назад. Его специаль-

ностью, сказал он, были «удаленные поставки». А потом добавил, с широкой ухмылкой: «И я только что удалился от дел».

Остаток дня растворился в тумане безумия. Остаток ночи тоже. И весь следующий день и ночь. Происходили такие ужасные вещи, что мне трудно заставить себя даже вспоминать, не то что писать о них. Мне повезло, что я вообще уцелел. Одним из моих самых отчетливых воспоминаний о тех порочных часах было то, как на Ральфа чуть не напал один из моих старых друзей в бильярдной клуба Пенденнис ночью в субботу. Парень порвал на себе рубашку после того, как решил, что Ральф клеится к его жене. До мордобоя так и не дошло, но эмоциональный эффект был серьезный. Потом, как кошмар нам на десерт, Стэдман пустил свой злодейский карандаш в дело, и, пытаясь замять конфликт, стал рисовать девчонку, в склеивании которой он обвинялся. В Пенденнисе нам было лучше уже не оставаться.

Где-то около десяти тридцати утром в понедельник я был разбужен скребущимся звуком у моей двери. Я вылез из-под одеяла и отодвинул занавеску как раз настолько, чтобы увидеть снаружи Стэдмана. «Какого хуя тебе надо?», – крикнул я.

«Как насчет завтрака?», – спросил он.

Я выскочил из кровати и попытался открыть дверь, но она была закрыта на цепочку и снова хлопнулась. Я не мог справиться с цепочкой! Она не выходила из паза – так что я вырвал его из стены, злобно толкнув дверь. Ральф даже не моргнул. «Не повезло», – пробормотал он.

Я едва мог его видеть. Мои глаза опухли и были почти закрыты, от внезапно хлынувшего из-за двери света я ошалел и беспомощно, как больной крот, стоял. Стэдман мычал что-то о плохом самочувствии и ужасной жаре; я лег на кровать и попытался сфокусировать на нем взгляд, пока он метался в весьма хаотичной манере по комнате, потом вдруг метнулся к ящику с пивом, схватив бутылку, как ковбой Кольт 45. «Боже, – сказал я, – Ты выходишь из-под контроля».

Он кивнул и открыл крышку бутылки, сделав большой глоток. «Знаешь, все это правда ужасно», – наконец сказал он. «Я должен выбраться из этого места...» – он нервно закачал головой. «Самолет улетает в десять тридцать, но я не знаю, успею ли я».

Я почти не слышал его. Мои глаза, наконец, открылись достаточно для того, чтобы я смог сфокусироваться на зеркале в другом конце комнаты, и меня ошеломил шок от узнавания. Сбитый на мгновение с толку, я подумал, что Ральф привел кого-то с собой – модель того особенного лица, которое мы столько искали. Это был он, именем Господа – опухшая, разрушенная пьянками, больная карикатура... как ужасная мультипликационная версия старой фотки из семейного фотоальбома, которым так гордится мама. Это было лицо, которое мы искали – и оно было, конечно же, моим. Кошмар, кошмар...

«Может, мне еще немного поспать», – сказал я. «Почему бы тебе не пойти в „Рыбно-мясное“ заведение и не поесть там этой гнилой рыбы и картошки? А потом возвращайся и разбуди меня где-нибудь в полдень. Я чувствую себя слишком близко к смерти, чтобы шнырять по улицам в это время».

Он заматал головой. «Нет... нет... я лучше пойду к себе и поработаю какое-то время над рисунками». Он нагнулся, чтобы достать из ящика еще две бутылки. «Я пытался работать ранее, – сказал он, – но руки все еще трясутся... Это ужафно, ужафно».

«Ты прекращал бы пить», – сказал я.

Он кивнул. «Я знаю. Это не хорошо, совсем не хорошо. Но почему-то мне от этого становится лучше...»

«Не надолго», – ответил я. «Вполне вероятно, что тебя вечером свалит что-нибудь типа истерической белой горячки – может как раз тогда, когда ты выйдешь из самолета в аэропорту Кеннеди. На тебя наденут смирительную рубашку и бросят в казенный дом, потом будут опускать тебе почки большими палками, пока ты не придешь в себя».

Он пожал плечами и побрел из номера, закрыв за собой дверь. Я вернулся в постель еще на час или около того, а позже – после вылазки за грейпфрутовым соком в супермаркет Найт Оул Фуд – мы последний раз поели в «Рыбно-мясной деревушке»: отличный обед из теста с мясными отрубями, жаренными в топленом сале.

К тому времени Ральф уже не заказывал кофе; он все просил побольше воды. «Это единственное, что у них есть, подходящее для употребления человеком», – объяснил он. Затем, убивая время до самолета, мы разложили его рисунки на столе, подумав над ними какое-то время, пытаясь понять,

поймал ли он тот специфический дух происходившего... но не могли заставить наши мозги работать. Руки Стэдмана тряслись так сильно, что он с трудом мог держать бумагу, а мое зрение было так затуманено, что я почти не видел, что там нарисовано. «Блядь», – сказал я. «Мы оба выглядим хуже, чем все, что ты там нарисовал».

Он улыбнулся. «Знаешь, я уже думал об этом», – сказал он. «Мы приехали сюда, чтобы посмотреть на это ужасное зрелище: люди трогаются умом и блюют на себя и все такое... и знаешь что? Мы же сами такие...»

Большой Понтиак Боллбастер прогрызается сквозь пробки на автостраде.

Выпуск новостей по радио сообщает, что Национальная Гвардия устраивает резню со студентами в университете Кент Стэйт и Никсон все еще бомбит Камбоджу. Журналист ведет машину, не обращая внимания на своего пассажира, который сидит почти голый после того, как снял большую часть одежды, которую он держит за окном, пытаясь проветрить ее от Мэйса. Его глаза ярко-красного цвета, а лицо и грудь мокрые от пива, которым он пытался отмыть со своей кожи ужасные химикаты. Перед шерстяных брюк забрызган блевотиной; его тело дергается от приступов кашля и странных всхлипываний. Журналист напролом ведет машину через пробки, тормозит на площадке перед входом в терминал, затем протягивает руку, чтобы открыть дверцу со стороны пассажира и выталкивает англичанина наружу, рыча: «Вали отсюда, жалкий пидор! Поганый свиноеб! (Сумасшедший хохот) Если бы не похмелье, я мудохал бы тебя всю дорогу до Боулинг Грин – ты, хуесосный иностранный гондон. Мэйс слишком хорош для тебя... Мы в Кентукки обойдемся без таких, как ты».

Примечания

Экстремистская негритянская организация, построенная на основе идей сегрегации.

Йельский университет – один из самых известных и элитных университетов США, находится в г. Нью-Хэйвен, штат Коннектикут.

Scanlan's Monthly – журнал, заказавший Хантеру Томпсону данную статью о Дерби.

Помещение, занимаемое клубом, обычно с баром и другими «развлечениями» для членов клуба.

Напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мятой.